

ГОТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОВЕСТИ В. КОРОТКЕВИЧА «ДИКАЯ ОХОТА КОРОЛЯ СТАХА»

THE GOTHIC TRADITION IN V. KOROTKEVICH'S STORY "KING STAKH'S WILD HUNT"

**S. Budekhin
A. Druzhinina**

Summary: The article deals with the genre features of V. Korotkevich's story "King Stakh's Wild Hunt". The focus of the study is the chronotope, as well as the motives, themes and system of images of the work, which are viewed through the prism of the Gothic literary tradition. Using a comparative typological approach, the author characterizes the reasons for the Belarusian writer's appeal to history, folklore, mythology and folk traditions, and also traces common typological features between the poetics of the story «King Stakh's Wild Hunt» and the programmatic works of English pre-romanticism and romanticism.

Keywords: Korotkevich, "King Stakh's Wild Hunt", chronotope, Gothic tradition, mythologization.

Будехин Сергей Юрьевич

Кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет;
Доцент, Российский государственный университет им.
А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
sergey.budekhin@mail.ru

Дружинина Алина Алексеевна

Ассистент, ФГАОУ ВО Национальный исследовательский технологический университет «Московский институт стали и сплавов»
druzhinina.alina@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются жанровые особенности повести В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха». В фокусе исследования находится хронотоп, а также мотивы, темы и система образов произведения, которые рассматриваются сквозь призму готической литературной традиции. Применяя сравнительно-типологический подход, автор характеризует причины обращения белорусского писателя к истории, фольклору, мифологии и народным традициям, а также прослеживает общие типологические черты между поэтиками повести «Дикая охота короля Стаха» и программными произведениями английского предромантизма и романтизма.

Ключевые слова: Короткевич, «Дикая охота короля Стаха», хронотоп, готическая традиция, мифологизация.

Введение

Поэт и писатель Владимир Семёнович Короткевич (1930-1984) сыграл выдающуюся роль в формировании историко-культурного дискурса в белорусской и советской литературе XX в. Он является автором многочисленных прозаических и драматических произведений, в сюжетах которых центральное место отведено образу белорусского народа, народной культуре и истории. К самым известным таким произведениям автора можно отнести: романы «Нельзя забыть» («Нельга забыць», 1962), «Колосья под серпом твоим» («Каласы пад сярпом тваім», 1964), «Христос приземлился в Гродно» («Хрыстос прызямліўся ў Гародні», 1966), «Чёрный замок Ольшанский» («Чорны замак Альшанскі», 1979); повести «Дикая охота короля Стаха» («Дзікае паляванне караля Стаха», 1958) «Седая легенда» («Сівая легенда», 1961), «Ладья Отчаяния» («Ладдзя Роспачы», 1964); пьеса «Колокола Витебска» («Званы Віцебска», 1974) и др.

Такой глубокий интерес к народной истории, внимательная и кропотливая работа в исторических архивах, вплетение исторических сюжетов в ткань художественного повествования позволяют в известной степени называть Короткевича преемником романтической традиции В. Скотта. В своем творчестве Короткевич ссылается

на важные вехи в истории Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Он художественно реконструирует этот период, вплетая в ткань своих произведений миф о становлении белорусской нации. В совокупности творчество В. Короткевича можно метафорически назвать энциклопедией белорусской жизни с присущей ей колоритом и своеобразием.

Элементы романтизма и предромантизма в повести

По мнению белорусского культуролога Павла Банцевича, обращение Короткевича к истории, фольклору, мифологии и документальной реконструкции можно считать значительным вкладом в сохранение нравственно-этических народных ценностей. Внимательное исследование, проведенное Короткевичем в области истории белорусского народа и его традиций, создает в художественном пространстве произведений автора патристический пафос, что уже в свою очередь, позволяет рассматривать самого В. Короткевича в качестве субъекта культуры. «Национальная идентичность как культурообразующий фактор, а также необходимость интерпретации народной традиции, как в общеславянском, так и в европейском контексте, становятся для писателя основным ориентиром [Банцэвіч, 2007, С. 75]. Руководствуясь

исторической памятью и стремясь к романтическому, легендарно-фольклорному осмыслению прошлого, писатель предложил совершенно новое, реконструированное видение белорусского прошлого, придав ему форму, которую можно считать абсолютно новой для советской литературы. Более того, Короткевичу удалось мастерски соединить в своих произведениях (прежде всего прозаических) специфические жанровые черты исторического, детективного и авантюрного романов.

Повесть В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха», опубликованная в 1964 г., представляет собой оригинальный пример совмещения жанров приключенческой прозы и детектива. В комментариях к книге от издательства «Речь» 2017 г. дается жанровая характеристика повести – это «исторический социально-психологический детектив, в котором достоверно показана общественная атмосфера на белорусских землях во второй половине восемидесятых годов 19го века» [Короткевич, 2017, С. 270].

Повесть построена как исторический документ, где Андрей Белорецкий, будучи в преклонном возрасте, пишет летопись давно минувших дней своей юности и уверяет читателя в ее достоверности. Через столкновение различных исторических пластов (XVII и XIX в.) В. Короткевич анализирует прошлое и по-философски размышляет над настоящим и будущим. Литературовед Шинкаренко отмечает, что «мифотворчество по-разному проявляется на разных этапах развития национальных литератур. Тем не менее оно всегда плодотворно служит действенным средством познания не только прошлого, но и настоящего, а также помогает предсказать будущее. Благодаря обращению к наиболее значимым национальным мифам талантливый писатель способен создать новую эстетическую реальность, в которой через убедительные художественные образы и другие приемы и средства поэтической системы утверждаются гуманистические идеалы и отвергаются их антиподы, прослеживаются судьбоносные моменты отечественной истории. [Шинкаренко, 2005, С. 40].

Уже во введении мы обнаруживаем элемент авторской игры с читателем. Словами рассказчика он сообщает о некоей удивительной истории, похожей на выдумку. Автор делает попытку создать ощущение подлинности истории (т.е. сконструировать миф), сообщая читателю, будто удивительная история произошла с рассказчиком на самом деле, просит положиться на его слово. Слово должно быть тем более убедительно, что в процессе развития сюжета мы узнаем, что рассказчик не только человек чести, но и ученый-фольклорист, что, по мнению автора, должно было придать его словам большей объективности и достоверности.

Начало повести призвано погрузить читателя в историко-культурный контекст жизни белорусского народа в 1880-е годы. Главный герой (он же рассказчик) пан Ан-

дрей Белорецкий рассуждает о нелегкой судьбе белорусского народа, о его культуре и обычаях. На границе экспозиции и завязки автор в очередной раз вступает в игру с читателем, намеренно сообщая о «суровом реализме» рассказчика, о том, что он «не большой охотник до романов в духе мадам Радклиф» [Короткевич, 2017, С. 31]. Этой ремаркой он, с одной стороны, напоминает читателю о приверженности принципам соцреализма, с другой – открывает для своего нарратива более широкий круг художественных возможностей. Данный момент в повествовании становится переломным, поскольку именно с упоминания одной из ярчайших личностей в истории готического романа начинается, по утверждению самого автора, резкая смена «тона повествования». Реалистическая картина уступает место мистической и романтической.

Между тем романтическое в герое начинает проявляться с первых страниц повести и будет преобладать на всем ее протяжении. Романтический идеал свободы (личной и народной) обнаруживается в самоидентификации героя, который относит себя к «красным» [Короткевич, 2017], т.е. к социально-демократическому общественно-политическому крылу. На протяжении всего повествования мы видим множество философских отступлений, размышлений и искренних душевных переживаний рассказчика по поводу доли, свободы, печалей и бедствий белорусского народа. Такой нарратив позволяет провести параллели с темой национально-освободительной борьбы в творчестве Байрона. Романтический дух присутствует в повести буквально с самых первых страниц. Уже во введении в речи старика-рассказчика жизненный оптимизм переплетается с романтической тоской по ушедшей возлюбленной. Эта элегичность передается стихотворением П.Б. Шелли [Короткевич, 2017, С. 6]:

Тьма удушила
Теплоту скрипичных тонов,
Если двое навек разлучились,
То не нужно ласки и слов.

Ещё одним элементом «игры в романтизм» в повести является профессия главного героя, Белорецкий – фольклорист [Короткевич, 2017]. Хорошо известно, что интерес к изучению народной истории, народных традиций, обрядов и легенд – один из ключевых признаков романтизма в литературе.

В первой главе рассказчик сообщает нам о своем профессиональном интересе, связанном с поиском и сохранением элементов белорусской народной культуры. Рассказчик классифицирует народные легенды, разделяя их на две группы. Первые распространены среди большей части народа (легенды об ужиной королеве, о янтарном дворце), вторые «прикованы к какой-либо одной местности» (напр., «легенда о Машеке»). Именно за второй группой легенд «охотился» рассказчик.

Дом-замок как центральный элемент готического хронотопа

В поиске таких легенд ученый-фольклорист Андрей Белорецкий отправляется в путешествие по глухим уголкам Беларуси. Пейзаж местности, по которой едет герой, напоминает по его же словам, «страшные сказки» [Короткевич, 2017, С. 26]. Переломный момент в путешествии, а заодно и в тоне повествования (реализм повествования временно уступает место пропитанной фантастикой детективной интриге) происходит темной ночью. Непогода мешает кучеру разглядеть дорогу, и герой решает довериться инстинкту лошадей. Развитие дальнейших событий наводит на мысль, будто автор переносит своего героя через невидимый портал, перемещает его из привычной ему городской цивилизации в романтический мир, где оживают древние легенды, которые Белорецкий так стремился обнаружить, но совсем не ожидал оказаться одним из участников подобных событий.

Кони выносят его к большому фамильному дому Надежды Яновской. Этот старый огромный дом, похожий на замок, совсем не производил впечатления уютного жилого пространства, скорее он напоминал мрачную тюрьму. Законы рода не позволяли Надежде покинуть дом, где все убранство и, особенно, мрачные портреты предков напоминали о родовом проклятии, тяжелым бременем лежавшем на плечах девушки. Надежда в своем собственном доме оказывается в роли несчастной заложницы или пленницы. Хозяйка дома отмечает его неуютность, заброшенность, мрачность, архитектурный стиль, который делает здание похожим на «замшелую, старую берлогу» [Короткевич, 2017, С. 48].

Состояние имения и территории вокруг него свидетельствует об упадке, пейзаж унылых болот, тьма и холод наводят рассказчика на мысль о схожести местной природы со знаменитым сумрачным лесом, предвещающим «Ад» «Божественной комедии» Данте. И действительно, вскоре мы узнаем, что Яновская в свои 18 лет не живет, а существует в адском ожидании собственной смерти, она, как отмечает автор, «живой труп» [Короткевич, 2017, С. 45], а ее дом – «трухлявый гроб» [Короткевич, 2017, С. 212]. Многочисленные упоминания автора об упадке и разрухе в имении когда-то сильного и процветающего шляхетского рода подчеркивают мысль Короткевича о вырождении дворянства, о его паразитическом положении в Российской империи конца XIX века.

Дом Яновской является не просто местом, в котором разворачиваются события повести, это центральный элемент хронотопа произведения, на многих уровнях обнаруживающий типологические сходства с традиционным готическим хронотопом. Этот древний дом – своего рода полуразрушенный замок, в темных коридорах и потайных комнатах хранит вековые тайны своих хозяев из родовитого шляхетского сословия.

Несчастливая девушка, хозяйка усадьбы – не единственная обительница дома, в нем пан Белорецкий встречает хитрую экономку, не производящую впечатления заботливой и честной прислуги, а также подозрительно управляющего Бермана. Помимо существ из плоти и крови, неожиданно для себя Белорецкий обнаруживает присутствие сверхъестественных существ – уродливого малого человека и призрачной голубой женщины, как две капли воды похожей на хозяйку дома, – приводящих в ужас даже такого рационалиста, как он.

Однако не это пугающее соседство было для молодой хозяйки самым тяжелым бременем. Сам дом, по ее словам, «тянет из людей жизнь». Такое описание дома дает рассказчик: «Огромные мрачные залы с трескучим паркетом, сумрак по углам, вечный сквозняк, запах пыли и мышей и холод, что леденеет сердце... холод, которого не выгнать даже каминными, горящими день и ночь» [Короткевич, 2017, С. 19]. Такое описание центрального локуса повести позволяет обнаружить параллели с описанием интерьера старинного замка Удольфо, созданного на страницах готического романа «Тайны Удольфского замка» А. Рэдклиф. Использование Короткевичем элементов готической поэтики в своем произведении скорее всего связано с его замыслом привлечь внимание читателя к центральному элементу хронотопа – дому Яновских, – который символизирует прошлое со всеми его страшными тайнами, насилием и угнетением по имущественному, родовому, сословному и половому признакам.

Готические мотивы родового проклятия, страшной тайны и «девушки в беде»

Героиня произведения – Надежда Яновская – последний прямой потомок старинного аристократического рода и наследница имения Болотные Ели. Белорецкий при знакомстве с хозяйкой усадьбы обнаруживает ее в крайне истощенном эмоциональном состоянии. Он узнает, что девушка живет в постоянном ожидании смерти. Над ее головой якобы висит древнее родовое проклятие, причиной которого является ужасный предательский поступок ее далекого предка Романа Яновского, жившего на этих же землях в XVI веке.

Согласно легенде, обнаруженной в библиотеке имения, в погоне за властью и богатством Роман решил предать своего близкого друга Станислава «Стаха», который был предводителем восстания белорусской и литовской аристократии против короля Речи Посполитой, провозгласив себя законным претендентом на трон Великого княжества Литовского. Роман пригласил Стаха в свою усадьбу под предлогом совместной охоты. Однако во время привала в ходе охоты отравил друга, а своим людям приказал перебить весь отряд Стаха. Перед смертью Стах успевает проклясть Романа и весь его род до двенадцатого колена, пообещав являться в виде своры

диких призрачных всадников, мчащихся на адских конях и уничтожающих все объекты своей дьявольской мести.

Если в описании имени Яновских готический фон только начинает проявляться, условно готический хронотоп повести только формируется, то рассказ Бермана о стародавнем проклятии рода Яновских однозначно создает готический дискурс, который будет пронизывать весь сюжет произведения Короткевича. С этого момента градус напряжения и атмосфера пугающего будут только нарастать.

Отметим, что мотивы родовой тайны и древнего фамильного проклятия являются традиционными для произведений литературной готики. Корни проклятия Яновского лежат в западно- и северо-европейском фольклорном мотиве Дикой Охоты, которая обычно изображается как группа призрачных всадников, ведущих в безумной погоне охоту за душами людей. Согласно скандинавским, немецким, а также славянским мифам, появление Дикой Охоты предвещало глобальную катастрофу, такую как война или чума, или же как минимум сулила смерть тому, кто стал случайным свидетелем этой призрачной кавалькады: «Двадцать всадников на вороных дрыгантах... Главный всадник мчится впереди всех... Не бряцают мечи, не ржут молчаливые кони... Реют гривы, болотные огни сияют под ногами» [Короткевич, 2017, С. 45].

В повести мотив дикой охоты появляется не только для создания мистической атмосферы и нагнетания ужаса. Древняя легенда позволяет В. Короткевичу погрузиться в прошлое с его тайнами и нравами. Дикая охота окутана мрачной таинственностью, Андрей Белорецкий подробно описывает свое состояние необъяснимой тревоги перед встречами с дикой охотой. Герой характеризует охоту как «оно». Появлению охоты всегда предшествуют определенные звуки – сотрясающаяся земля и топот копыт. Туман, укрывающий землю, способствует созданию атмосферы сверхъестественного.

Короткевич, вводя в ткань сюжета данный фольклорный мотив, колоритным образом формирует иррациональное и хаотическое начало, противопоставленное рациональному и просветительскому началу, возглавлять которое отводится главному герою. Подавляющие волю, требующие кровавой жертвы традиции темного прошлого сталкиваются в повести с прогрессивными и человеколюбивыми стараниями Андрея Белорецкого, стремящегося опровергнуть тёмные суеверия. Другими словами, общинно-родовые и патриархальные традиции, воплощенные в Дикой охоте, вступают в жесткую борьбу с демократическими и гуманистическими ценностями.

Сюжет повести разворачивается на двух уровнях – общественном (исследуется судьба белорусского народа) и частном (история Нади Яновской). Конфликт героя с

дикой охотой мастерски встроен в обе сюжетные линии, которые в процессе развертывания неоднократно переплетаются. Однако, по замыслу автора, именно в этом причудливом переплетении общественного и частного, судьбы народа и отдельного человека, просвещенных людей и простого народа, в их взаимодействии и равноправном сосуществовании заключаются возможности для победы не только над древним проклятием, но и над отжившим свое несправедливым общественно-политическим укладом.

Однако, в начале повести Надежда живет в парадигме родовых и патриархальных ценностей, она отстранена от народа, а он от нее. Последствия затворнической жизни отражаются не только на ее психологическом состоянии, но и на ее внешности. При первой встрече с Надей Белорецкий с жалостью отмечает противоречивость ее образа: «Черты лица были выразительны, резко очерчены, такие правильные, что пригодились бы как образец даже великому скульптору. И всё-таки я не думаю, чтобы какой-либо скульптор соблазнился бы лепить из нее Юнону: редко мне случалось видеть такое неприятное жалкое лицо... Бедняга была дьявольски некрасива». Как он выяснит позже губительное влияние на красоту бедной девушки оказала безрадостная одинокая жизнь в большом и древнем родовом доме, а также бесконечный страх перед ужасным смертельным проклятием. Надя была уверена, что, будучи последней из Яновских, она должна заплатить жизнью за преступление, совершенное ее дальним предком.

Подобно Эмили – героине готического романа А. Рэдклиф, – Надя является сиротой, вынужденной мириться с несвободой, жить в заточении. Сходства двух образов обнаруживается также в их склонности к экзальтации – посторонние шорохи, скрип полов и др. ужасает героиню, приводит в трепет. Однако, существуют и отличия между героинями. При создании образа Нади автор, очевидно воспользовался архетипическим мотивом, часто эксплуатируемым в литературной готике, а именно – *damsel in distress* (девушка в беде). Эмилия чаще всего действует самостоятельно, для Нади же роль благородного спасителя играет Андрей Белорецкий.

Помимо дикой охоты в повести присутствует еще два якобы сверхъестественных элемента: ночью по коридорам дома ходят таинственный Малый Человек и призрак Голубой женщины, которые наводят ужас на обитателей «замка». Однако наиболее сильный эффект они оказывают на хозяйку дома, что приводит к ее психическому расстройству (позже читатель узнает, что девушка страдает лунатизмом).

Легенда о дикой охоте короля Стаха, рассказанная Андрею Белорецкому управляющим, мотивирует героя рационально истолковать загадочные происшествия и

спасти несчастную девушку. Пытаясь докопаться до истины, раскрыть суть происходящего в Болотных Елях с рациональных позиций, герой примеряет на себя роль сыщика. Вместе с получением новой роли главным героем трансформируется и жанровая сущность произведения – готическая повесть уступает место детективу.

Образ злодея в повести

Существенные расхождения с «готическим каноном» повесть Короткевича обнаруживает в образе злодея. Егор Дуботок – опекун Нади, уже пожилой и грузный мужчина, живущий в имении неподалеку. Подобно готическим злодеям Рэдклиф и Льюиса, он состоит в относительном родстве с угнетаемой им девушкой. Однако, классический готический злодей, как правило, харизматичный мужской персонаж – это тиран, получающий удовольствие от безоговорочной власти над своей жертвой (обычно беззащитной девушкой). Им владеют безудержная страсть и непомерное тщеславие, по этой причине готического злодея невозможно «спрятать» в сюжете произведения, такая фигура должна привлекать к себе внимание читателя, стоять наряду с «готическим замком» в центре готической повествовательной конструкции.

В рассматриваемой повести злодей неявный, большую часть сюжета он скрыт под маской доброжелательности и, забавной нелепости, что определенно отличает его от готических злодеев вроде Амброзио («Монах»), Монтони («Тайный Удольфского замка») и др. Отличает его также и мотивация к совершению преступления. Дуботок не интересуется властью над жертвой, он не испытывает к ней сексуального влечения. Его цель – получить имение, – слишком меркантильна, мелка, достойна скорее обычного грабителя или разбойника, но не титанической фигуры готического злодея. Однако ради удовлетворения своих меркантильных интересов, он и его приспешники – обедневшие шляхтичи – наряжаются всадниками дикой охоты и по ночам выезжают на болота близ дома Яновских, чтобы наводить ужас на бедную девушку и, в конце концов, свести ее в могилу. Такой сюжетный ход не свойственен для литературной готики рубежа XVIII-XIX вв., более вероятным источником вдохновения

для Короткевича при создании образа злодея представляется повесть А. Конан Дойля «Собака Баскервилей». Отказывая Дуботок в чертах титанической личности готического злодея, автор демонстрирует свое отношение ко злу как к явлению низкому, отвратительному, свойственному лишь трусам, негодьям и, даже не людям, а зверям. Неслучайно все отрицательные персонажи повести наделены чертами животных: Дуботок сравнивается с медведем, у Вороны говорящая фамилия и черные безжизненные блестящие глаза, Маленького Человека автор сравнивает с обезьяной или жабой, у Бермана пальцы, как змеи, а описывая внешность Гарабурды, автор употребляет слово «морда» [Короткевич, 2017, С. 165].

Заключение

Таким образом, опираясь на перечисленные выше умозаключения, отметим, что в повести Короткевича обыгрываются многие художественные элементы эстетики и поэтики английского предромантизма и романтизма рубежа XVIII-XIX вв. Помимо прочего, следуя традициям «сентиментальной готики» А. Рэдклиф, в финале повести сверхъестественное у В. Короткевича получает вполне рациональное объяснение. Злодеи оказываются разоблачены и наказаны, а благодетельные герои вознаграждены семейным счастьем.

Отметим, что интерес к готическому не затухает и в современной белорусской литературе и искусстве. С конца 80-х гг. XX в. писатели пробуют экспериментировать, вводя в свои произведения сверхъестественные элементы («Кукла» Н. Костюкевича, «И тогда я умер» А. Козлова). Не только Короткевич, но и другие белорусские писатели скорее использовали в своем творчестве поэтику готики и отдельные ее образы, чем полностью подражали всей системе художественно-изобразительных возможностей этого направления. Наиболее вероятной причиной обращения к готическому видится стремление белорусских писателей обратиться к народной истории, создать национальный белорусский миф, используя проверенную временем и привлекательную для читателя форму готического романа или готической повести.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамчык В.У. Беларуская літаратура XIX-XX стагоддзяў: час і асобы: вучэб. дапам. / Г.К. Тычко. Мінск: Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэцкае культурнае і мастацтваў, 2010. – 267 с.
2. Банцэвіч П. К. Творчасць У. Караткевіча ў кантэксце культуралогіі: монографія. Гродна, 2007. – 310 с.
3. Короткевич В.С. Дикая охота короля Стаха. СПб: Речь, 2017. – 279 с.
4. Шинкаренко В.Д. Смысловая структура социокультурного пространства: миф и сказка. М.: URSS, 2005. – 208 с.

© Будехин Сергей Юрьевич (sergey.budexhin@mail.ru), Дружинина Алина Алексеевна (druzhinina.alina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»